

Темная роща, или памятник нежности

Русская сентиментальная повесть.

М., Издательство Московского университета, 1979

Составление, общая редакция и комментарии П. А. Орлова.

[OCR Бычков М. Н.](#)

Шумите уныло, березы и осины! Шумите для симпатического удовольствия чувствительной души!.. Рука любви изображала на коре вашей бесценное имя своего предмета; тень ваша освежала томное сердце любезнейшей из женщин; вы были единственными свидетелями ее слез надежды, счастья!.. Дремлющие сосны, вы, которые мрачными сводами густых, вечно зеленых вершин своих осеняете трогательный памятник нелепости, шумите для сладкой скорби друзей меланхолии!

О сердце! Как покорить тебя под свинцовый скипетр рока! Как располагать движения твои по его мановению! Куда девать тебя, когда ты соделываешься источником нашего бедствия!.. Но нет, нет! Твои врожденные законы должны быть сильнее, святее всех на свете, и твои муки сладостнее бесчувственного бытия.

Нина не могла противиться тайному удовольствию рассматривать Эраста, которого взоры говорили ей самым невольным, самым скромным образом о том, что происходило в душе его,-- рассматривать так скрытно, что он не мог того приметить.

Время и прилежное внимание Нины к Эрасту осуществили мечту ее о возможности того счастья, которым воображение и сердце ее любили заниматься; время и пламенная страсть Эраста к Нине довели пылкую душу его до того периода чувствований, где разрываются все оплоты, где никакая сила не может остановить быстрого стремления сердца, где закрываются глаза наши на будущее или видят в нем одну прелестнейшую картину счастья!..

Нина находила Эраста от часу более достойным всей нежности души своей; Эраст от часу более видел в Нине... ангела сердца своего, и в один день, воспользовавшись минутами, когда был с нею без свидетелей, он схватил руку ее, прижимал ее к устам, к сердцу своему... Язык дополнил немые выражения сильных чувствований.

Рассеянное молчание, нежные взгляды, вздох, слезы -- довольно! Этот ответ объяснил Эрасту участь его -- участь, которую нельзя променять на все короны мира. Любовники поклялись в присутствии невидимого в вечной верности, в вечной любви, и жарчайший поцелуй запечатлел клятву их. С этой минуты Эраст и Нина почерпнули новое, неизъяснимое удовольствие в источнике чувств своих и наслаждались им. Видеться, говорить друг с другом было для них такое счастье, которым они готовы были ограничить все свои желания, ежели бы не позволили им другого и оставили бы только это одно. Никогда симпатия не была чувствуема живее, никогда два сердца одно для другого не были сотворены совершеннее.

Нина жила с отцом и матерью в деревне. Эраст жил в соседственном маленьком городке. Когда Эраст не мог быть у своей Нины, то Нина находила удовольствие бродить с образом Эраста в темной любимой своей роще, примыкающей дикими своими аллеями к самому их дому. Романические воображения мешались с мыслями о предмете любви, занимавшей всю душу Нины; чувства ее настраивались к неизъяснимой сладости мечтаний. На каждой гладкой коре дерева она вырезывала милое, бесценное ей имя. Проводить несколько часов в этой роще было первым наслаждением души ее после наслаждения взорами, словами Эраста.

Нина имела этот твердый, прекрасный характер, который нелегко решается, но, решась на что-нибудь один раз, остается в том непоколебимым навеки. Сказав *люблю*, она не могла уже перестать любить или переменить предмет любви; ничто в свете не было в состоянии ее к тому принудить.

Каждый день, каждое внимание к Эрасту подавали ей новую причину для оправдания нежной и сильной страсти ее к нему; Нина гордилась в душе своей дружбою, любовью его. Но образ мыслей родителей заставлял ее всего бояться в страсти своей.

Отец и мать Нины были из числа тех весьма обыкновенных отцов и матерей, которые предназначают цену дочерям своим, как будто какой-нибудь вещи, не думая нимало об истинном счастье их. Богатство составляло все достоинство, которого желали они будущему своему зятю, и, спрашивая о числе душ жениха своей дочери, никогда не заботились знать, имеет ли он в себе душу.